

Чжао Фан скорчил плотоядную мину:

— Кому ж не понравится такая красавица?

— А тебе не нравится?

Не успел Гунсунь Сы ответить, как Чжао Фан словно прозрел:

— Ах да, ты же еще не мужчина.

Его взгляд скользнул вниз. — Ты мальчик, у тебя еще нет такого влечения к женщинам, ты не знаешь, как они хороши на вкус.

Гунсунь Сы молча закатил глаза, но, притворяясь «дурачком», не стал спорить.

На самом же деле он давно всё это понимал.

Пока они с кормилицей годами прятались, в самой страшной нищете им приходилось побираться у винных лавок, чайных и домов терпимости.

В особенности у последних: мужчина после удовольствия добрел, а с добра был и щедр – иногда и ему перепало мелкой монетой.

Только вот от запаха пудры и румян Гунсунь Сы мутило, и он всей душой ненавидел подобные места.

Чжао Фан хлопнул юношу по плечу и с важностью пообещал:

— Вот подрастешь – покажу тебе мир, отведаешь запретного.

Гунсунь Сы вовсе не жаждал: тамошние женщины казались ему грязными.

— Будь хорошим мальчиком, принеси-ка вон ту коробку с едой – дай отведать.

Гунсунь Сы встал с кровати.

Выпив миску костного бульона и обглодав мясо до последнего кусочка, Чжао Фан развалился поудобнее и, поглаживая набитый живот, довольно захрюкал, точно сытый поросенок.

Безделье, жратва и сладкая дрема – вот его предел мечтаний.

Благодарь.

— Сяо Гу, дай-ка еще финиковый пряник.

Чжао Фан, зажмурившись, широко разинул рот в ожидании угощения.

Гунсунь Сы не съел ни куска: он всё еще помнил, как мать Чжао Фана избила его, и не желал прикасаться к тому, что она готовила.

Пряник поднесли к губам Чжао Фана, и тот, словно кролик, шумно захрустел, быстро-быстро двигая челюстями.

Мягкая текстура.

Густой финиковый аромат.

Очень вкусно.

Вдруг Чжао Фан вместе с пряником прикусил что-то лишнее.

Ой?

На ощупь – совсем не пряник.

Чжао Фан распахнул глаза и увидел, что впился зубами в палец главного героя!

Он тут же выпустил его и рассыпался в извинениях:

— Прости-прости, увлекся. Больно? Дай взгляну.

— Не больно.

Гунсунь Сы поспешно спрятал палец за спину, не давая осмотреть.

Чжао Фан понимал, что куснул прилично. — Я не нарочно, прости. Может, помазать чем?

— Не надо.

Было действительно больно, но ощущение от тепла и влажности его рта оказалось каким-то странным, щекочущим.

Стоя, Гунсунь Сы тер палец о ткань, словно пытался стереть это непрошеное чувство.

На другой день Сяньюй снова принесла еду.

И на следующий тоже.

Чжао Фану было уже нелегко всё это съесть, и он, дождавшись Цзисяна, всё ему и сплавил.

Цзисян позавидовал:

— Брат Чжао, ну везучий ты. Такая невеста, как Сяньюй, – нам с Фугуем о такой и не мечтать.

Чжао Фан нахмурился:

— Невеста?

— Ты что, не знаешь?

— А что я должен знать? — Чжао Фан выглядел растерянным.

Цзисян выпалил:

— Твоя мать одобрила Сяньюй и уже ходила к ней свататься от твоего имени.

Чжао Фан обалдел:

— Я вообще ни сном ни духом.

Увидев его сопротивление, Цзисян осадил:

— Не будь неблагодарным, многие только облизываются. Сяньюй и лицом хороша, и работающая.

— Так-то да, она славная, и мне она нравится, но...

Ему претило, когда кто-то распоряжался его браком.

Цзисян перебил:

— Что «но»? Нравится – и ладно. Еще помедлишь, глядишь, Фугуй ее уведет. Он на Сяньюй смотрит как пес на мозговую кость.

— Или же...

Цзисян скосил глаза на стоящего у окна героя и зашептал: — ...Или тебе мальчишку жалко?

— Забыл, как тебе всыпали в прошлый раз?

— Если не женишься на Сяньюй, мать за него снова возьмется.

— Если хочешь защищать его – слушайся. А женишься – сможешь и его при себе оставить, никто слова не скажет.

— Главное – ты должен продолжить род.

Цзисян думал, что Гунсунь Сы ничего не слышит, но слух у того был отменный.

Продолжить род, значит?

Хе-хе.

Гунсунь Сы наконец придумал идеальную месть для семейства Чжао...

Он сделает так, что род их пресечется!

Чжао Фан представил талию и ягодицы Сяньюй... Наверняка упругие.

Пропавший юноша Чжао Фан, сбитый с толку речами Цзисяна, внезапно решил, что брак по расчету – это, в общем-то, совсем неплохо.

Сяньюй еще несколько дней носила еду и каждый раз, сказав пару слов, поспешно уходила, зардевшись.

Цок-цок.

До чего стыдливы древние девы.

Ему такая и нужна.

Гунсунь Сы с холодом наблюдал, как Чжао Фан мысленно растекается, ведя уроки из рук вон плохо и то и дело расплываясь в похотливой улыбке.

В тот день за окном запорхал снег.

Похотливый Чжао, теперь уже встававший с постели, кутался в толстый ватный халат и, глядя в оконце, сокрушался:

— Снег, скользко... Как бы Сяньюй не упала.

Стоило ему это сказать, как показалась стройная фигурка.

Гунсунь Сы опередил Похотливого Чжао и первым отворил дверь.

«Ой!»

Поскользнувшись на чем-то, Сяньюй упала; короб с едой рассыпался по земле.

Чжао Фан кинулся было помочь, но главный герой его опередил. Он бережно подхватил девушку:

— Сестрица Сяньюй, не ушиблась?

— Ничего страшного.

Сяньюй смущенно отстранилась от Гунсунь Сы, явно избегая близости: для нее даже отмытый нищий оставался грязным.

Еда пропала. Сяньюй расстроилась:

— Брат Чжао, там на кухне еще осталось, я принесу.

Чжао Фан рта открыть не успел, как главный герой встрял:

— На улице скользко, сестрица, пойдемте вместе, и вам не придется второй раз бежать.

Сяньюй посмотрела на Чжао Фана.

Чжао Фан хотел проявить себя, но его снова опередили:

— Брат Чжао еще не оправился и боится холода. Я сам схожу.

С раной-то пустяки, а вот холода он боялся люто. Видно, его тело было никудышным: чуть ветерок – и зубы стучат.

Пока Чжао Фан колебался, Гунсунь Сы подобрал короб и увлек Сяньюй за собой.

Чжао Фан: «...»

То есть ему вообще слова не дали?

Глядя из окна на две удаляющиеся фигуры, он вдруг заметил, что парень-то вымахал на полголовы выше Сяньюй.

Смотрелись они вместе гармонично.

Сяньюй, видно, снова поскользнулась, и Гунсунь Сы ловко подхватил ее.

При виде этой пары, прильнувшей друг к другу, Чжао Фан невольно дал волю фантазии. Гу Сы, с тех пор как его подобрали, больше помалкивал с глупым видом, а к Сяньюй – прямо-таки

полон внимания.

Неужто первая любовь?

Чем больше Чжао Фан думал, тем больше в это верилось.

Хотя, если главный герой никогда не вернется во дворец и не станет императором, Сяньюй – неплохая партия.

Чжао Фан заколебался: и вправду ли уступать такую нежную красавицу этому мальчишке?

Две фигуры медленно брели по ветру, поддерживая друг друга, всё дальше и дальше, превращаясь в изящный рисунок тушью на снежном полотне.

Так уступить или нет?

<http://bllate.org/book/18123/1739321>